ГЛАВА 1

ТРИ ЖЕНЩИНЫ И ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Если долго смотреть на карту автомобильных дорог, рано или поздно начинает казаться, что сеть межштатных магистралей пульсирует. Это кровеносная система страны: по ней движутся топливо, продукты, мебель, медикаменты — все то, без чего немыслима повседневная жизнь. Но по тем же дорогам, под тот же монотонный гул дизельных двигателей перемещается и другое — случайность, уязвимость, одиночество и необузданная власть над чужим телом. Трасса соединяет города, но она же умеет разъединять людей так радикально, что между исчезновением и пониманием иногда пролегают десятилетия.

Зимой 1991 года в этом потоке затерялись три жизни.

Точнее, сначала никто не знал, что речь идет именно о трех жертвах. И уж тем более никто не предполагал, что между ними существует связь. Была одна женщина, пережившая ад в кабине грузовика. Была другая, найденная мертвой у трассы в Теннесси. Потом еще две в Вайоминге — без имен, без истории, без того простого права, которое дает человеку даже смерть, если его есть кому назвать по имени. Между этими точками не существовало линии. Она появится позже. В тот момент все выглядело как набор локальных трагедий, слишком разрозненных, чтобы сложиться в общий узор.

Первой была Мэри Энн Ньютон.

В феврале 1991 года она стояла на ветру на трассе в Оклахома-Сити. За спиной остался Олейт, штат Канзас. Впереди — та неопределенность, которая знакома каждому, кто хотя бы раз рассчитывал добраться куда-то не от хорошей жизни, а просто потому, что другого выхода не было. Автостоп в Америке начала девяностых еще существовал — уже не как романтический ритуал контркультуры, но еще и не как окончательно дискредитированная практика. Это была переходная эпоха. Люди все еще поднимали руку на обочине. Водители все еще останавливались. Долгая дорога, зимний воздух, уединение в кабине — все это ставило попутчика в двусмысленную ситуацию — что-то среднее между риском и спасением.

Для такой молодой женщины, как Мэри Энн, автостоп был не авантюрой, а вынужденной логистикой. Она не искала встречи с судьбой. Она искала способ доехать.

Перед ней остановился грузовик компании *Marten Transport*. За рулем сидел водитель из Айовы — Кларк Перри Болдуин. Никакой угрозы в нем не ощущалось. Не было ничего, что позже можно было бы назвать *тревожным сигналом*. Он не производил впечатления человека, от которого нужно бежать. В этом и состоит один из самых мучительных уроков подобных историй: **опасность почти никогда не выглядит как опасность** в момент, когда у тебя еще есть возможность отступить.

Мэри Энн забралась в кабину.

Америка междугородных грузоперевозок — это отдельная цивилизация, существующая рядом с обычной жизнью, но не совсем внутри нее. Стоянки для дальнобойщиков, придорожные кафе, заправки, ночные парковки, душевые, торговые автоматы, радиопереговоры, бесконечный гул моторов — все это образует пространство, которое вроде бы публично, но в действительности устроено как множество изолированных капсул. Каждый водитель заперт в своей машине, как в передвижной квартире. Каждый движется по собственному графику. Люди встречаются,

перекидываются фразами, делятся сигаретой или чашкой кофе — и тут же исчезают из жизни друг друга, не оставляя почти никаких следов.

Для того, кто хочет просто добраться из пункта А в пункт Б, это пространство кажется временным и нейтральным. Для того, кто умеет использовать его уязвимость, оно становится идеальным укрытием.

Они остановились на ночевку на стоянке для грузовиков. Воздух был пропитан соляркой, гарью из придорожного кафе и тем особым металлическим запахом промерзшей парковки, где машины стоят рядом, но каждая остается отдельной крепостью. Болдуин вел себя спокойно. Он предложил Мэри Энн поесть, купил ей ужин. Все выглядело как обычная дорожная сцена: мужчина за рулем, случайная попутчица, короткое бытовое товарищество между людьми, которых свела дорога и которые через несколько часов, скорее всего, разойдутся навсегда.

Наутро Мэри Энн сказала, что хочет вернуться в Канзас, и попросила у водителя рацию, чтобы поискать попутную машину. Он разрешил. Этот жест — мелкий, почти домашний — еще сильнее закреплял иллюзию безопасности. В нормальном мире так ведут себя люди, с которыми не нужно бороться за жизнь.

Потом Болдуин сказал:

— Иди сюда, в спальный отсек.

То, что произошло дальше, оборвало не просто поездку. Оно разрушило саму привычную логику мира.

Очнулась Мэри Энн уже в спальном отсеке грузовика — в тесном, душном пространстве, которое в одну секунду перестало быть частью дороги и стало тюремной камерой. Она была раздета ниже пояса. Запястья стянуты скотчем. Во рту носок, поверх которого была наклеена клейкая лента, так что каждый вдох превращался в борьбу за выживание. Болдуин насиловал ее и душил — не в ярости, не в панике, а с той методичной последовательностью, которая

страшнее любой вспышки гнева. Это было не сиюминутное насилие. **Это был готовый сценарий**.

Удушение имеет особую природу. В нем слишком много близости, контроля и времени. Чтобы задушить человека, недостаточно нанести удар и отступить. Нужно оставаться рядом. Смотреть. Чувствовать сопротивление чужого тела. Отсчитывать секунды до потери сознания. Это не дистанционное убийство. Это **власть в ее самой телесной, интимной форме**. Даже если жертва выживает, сам способ нападения говорит о многом.

Мэри Энн сопротивлялась так, как сопротивляется любой живой человек, когда воздух перестает поступать в легкие, цепляясь за последние капли кислорода, цепляясь за жизнь.

А потом произошло то, что приоткрывает одну из самых жутких тайн психики Болдуина.

Он отклеил ленту. Позволил ей одеться. И вложил в руку пистолет.

— На твоем месте я бы застрелил меня, — сказал он.

Это не было милосердием или импульсом раскаяния. Это была игра в абсолютную власть. Он дал ей иллюзию выбора в момент, когда она была травмирована, дезориентирована, истощена и психологически раздавлена. Подобные жесты нужны садисту не для того, чтобы отпустить жертву, а для того, чтобы еще раз подтвердить себе **границы собственного контроля**. Даже когда он будто бы отдает власть другому, она все равно остается у него.

Но Мэри Энн не сыграла по его сценарию.

Она не выстрелила, но и не выпустила оружия. Направив ствол на своего мучителя, она приказала ему ехать. Это был один из тех редких моментов, когда выжившая не просто спасается, а ломает внутреннюю драматургию преступника. Она оставалась в пространстве его власти — в его грузовике, на его территории — и все же заставила его повиноваться.

На первой же заправке Мэри Энн выскочила из кабины и бросилась бежать.

Этот побег спас ей жизнь. И одновременно стал первым упущенным шансом остановить Болдуина задолго до того, как тридцать лет спустя три женских тела свяжет анализ ДНК.

Полиция зарегистрировала изнасилование. Болдуина допросили.

Допрос в техасском участке не был похож на сцену большого разоблачения. Скорее это была одна из тех будничных процедур, которые спустя десятилетия кажутся непереносимо банальными в свете того, кем оказался сидевший на стуле человек. Болдуина завели в комнату без окон, предложили кофе, задали стандартные вопросы про маршрут, груз, время прибытия и место остановки. Он не запинался, не нервничал и не пытался строить сложные версии. Когда следователь перешел к сути, голос Болдуина остался почти ровным.

Он признал нападение. Сказал, что связал ее. Что заклеил рот. Что душил. Что потом отпустил.

Для неискушенного наблюдателя это звучит как финал истории. Признание есть — значит, дальше суд, обвинение и тюрьма. Но реальная уголовная процедура устроена жестче, медленнее и часто беспощаднее к здравому смыслу. В американском праве признание подозреваемого — мощный инструмент, но далеко не всегда достаточный. Особенно в делах о тяжком насилии прокуратуре необходим потерпевший, который подтвердит обстоятельства преступления. Нужен живой человек, который выйдет к трибуне и свяжет слова обвиняемого с конкретным фактом и конкретным страхом.

Именно здесь система дала сбой.

К тому моменту, когда дело нужно было готовить к передаче *большому жюри*, Мэри Энн Ньютон уже исчезла из поля зрения правоохранителей. Не в криминальном смысле — ее не похитили, она не стала еще одной пропавшей без вести. Она просто уехала. Мэри Энн продолжила жить

так, как часто поступают люди, пережившие насилие: ушла не потому, что доверяла системе, а потому, что больше не хотела быть привязанной к месту, где ее едва не убили. Она не оставила адреса, по которому ее смогли бы быстро найти. Телефон не отвечал. Письма возвращались.

С правовой точки зрения это превратило уголовное дело в пустоту.

Следователи имели признание, но не имели потерпевшей.

Прокурор не смог передать дело дальше. Обвинение развалилось еще до того, как успело стать судебным процессом. Болдуина отпустили.

Это одна из самых жестоких развилок во всей истории. Не потому, что кто-то проявил исключительную халатность. А потому, что в уголовном процессе иногда достаточно выпадения одной-единственной детали, чтобы вся конструкция рухнула. Мэри Энн ушла, чтобы спасти себя. И тем самым — невольно, трагически, без всякой собственной вины — упустила и единственную нить, которая в 1991 году могла привести Болдуина на скамью подсудимых.

Позже станет ясно, какой урок он вынес из этой истории: правоохранительная система слепа к тому, чего не может удержать процессуально.

Через месяц после нападения на Мэри Энн, в марте 1991 года, рядом с трассой в Спринг-Хилл, штат Теннесси, нашли тело Пэм Роуз Олдридж Макколл. Ей было тридцать два года. Она находилась на шестом месяце беременности.

В хрониках серийных преступлений жертвы слишком часто превращаются в функции: «первая», «вторая», «беременная», «неопознанная», «выжившая». Но за каждым таким обозначением скрывается человек, чья жизнь не должна сужаться до формы собственной смерти. Пэм не была просто телом у трассы. Она была женщиной с именем, возрастом, биографией и будущим — настолько осязаемым, что оно присутствовало физически: внутри нее рос

ребенок. Именно поэтому в ее случае убийство было двойным не только юридически, но и экзистенциально. Болдуин, если исходить из выводов следствия и последующего приговора, уничтожил две жизни сразу.

Женщину задушили. На одежде и теле остался биологический материал убийцы.

Для криминалистики 1991 года это было одновременно и сокровищем, и насмешкой. След существовал, но язык, на котором он мог бы заговорить, еще только формировался. Анализ ДНК в то время требовал крупных, идеально сохранившихся образцов, стоил дорого и использовался не для универсального поиска неизвестного человека, а для точечного сравнения с конкретным подозреваемым. Национальной базы *CODIS* еще не существовало. Местный следователь мог смотреть на пробирку и понимать, что в его руках находится имя убийцы, но не иметь ни техники, ни денег, ни инфраструктуры, чтобы это имя извлечь.

Судмедэксперты сделали то, что могли: зафиксировали следы, упаковали образцы, сохранили одежду и убрали все это в хранилище улик.

Это решение — почти незаметное в моменте — позже окажется важнее большинства громких слов. Иногда правосудие спасает не внезапное прозрение, а строгая дисциплина. Кто-то не выбросил то, что в 1991 году казалось почти бесполезным. Кто-то оформил улику как положено. Кто-то поместил ее туда, где она смогла пережить десятилетия.

В тот момент никто не знал, что эти вещи еще заговорят.

Пэм Макколл для Теннесси осталась локальной трагедией. Убийством беременной женщины у трассы. Ужасом для семьи. Тупиком для следствия. Ничем больше. Ни один человек в Теннесси не видел в ее смерти эпизод будущей серии.

Год спустя, на другом конце страны, трасса забрала еще две жизни.

В марте 1992 года женщина-дальнобойщица остановилась у межштатной магистрали *I-80* в Вайоминге. Она

увидела на земле обнаженное тело молодой женщины. Задушенной. Оставленной на площадке для отдыха, будто ее можно было сбросить вместе с дорожным мусором и забыть.

Через месяц, в апреле, дорожные рабочие на севере штата, у трассы *I-90*, нашли частично мумифицированные останки еще одной молодой женщины. У нее была травма головы. Она тоже была беременна.

Им обеим было чуть за двадцать.

Это важная деталь — не потому, что молодость делает смерть трагичнее, чем в любом другом возрасте, а потому, что в таких делах особенно страшно видеть, как легко жизнь человека съеживается до краткой полицейской формулировки: женский труп, возраст приблизительно двадцать с небольшим, признаки насильственной смерти, личность не установлена.

Так в дело вошли два имени, которых на самом деле не существовало: **Биттер-Крик Бетти** и ***I-90* Джейн Доу**.

Псевдонимы, придуманные не для памяти, а для учета. Временные слова, которыми система заполняет пустоту, пока не знает, кого именно оплакивает. Такие обозначения звучат почти ласково — и именно поэтому в них кроется особая жестокость. Они создают иллюзию присутствия личности там, где человека как раз и лишили идентичности. У Бетти не было имени Бетти. У Джейн Доу не было имени Джейн. Были две молодые женщины без признанного прошлого, без семьи в кадре и без собственного голоса.

На бумаге у этих историй не было причин складываться в одну.

Теннесси занимался своей беременной жертвой. Вайоминг — двумя своими. Техас хранил развалившееся дело выжившей женщины, которую уже не могли найти. Айова фиксировала слова бывшей жены Болдуина, рассказавшей об убийстве «где-то на западе», но без даты, тела и координат. Все существовало одновременно, но в разных штатах,

в разных регистрационных базах и в разных представлениях о том, что вообще можно считать связью.

Так началась история, которую еще нельзя было назвать историей.

Не было общей карты. Не было подозреваемого. Не было национального механизма, способного сопоставить биологические следы в разных юрисдикциях. Не было даже устойчивого понимания, что один и тот же человек может убивать женщин в разных концах страны и десятилетиями оставаться для всех просто незаметным дальнобойщиком. Была только россыпь изолированных эпизодов.

- Выжившая попутчица.
- Беременная женщина в Теннесси.
- Две безымянные погибшие в Вайоминге.

И **тридцать лет полной неизвестности**, в течение которых никто не мог связать эти факты воедино.

ГЛАВА 2

МАСКА КЛАРКА ПЕРРИ БОЛДУИНА

Чтобы понять, каким образом человек может десятилетиями пересекать страну, оставляя за собой мертвых женщин и почти не оставляя за собой видимого следа, нужно отъехать от трассы. Не очень далеко — ровно настолько, чтобы попасть в ту часть Америки, где жизнь выглядит слишком обыкновенной, чтобы кто-то ждал от нее большого зла. Туда, где люди не прячутся. Они просто растворяются в нормальности.

Кларк Перри Болдуин родился 22 августа 1961 года в Чарльз-Сити, штат Айова. Позже семья переехала в Нашуа — маленький городок, один из тысяч таких пунктов на карте Среднего Запада, которые легко пропустить, если не знать, зачем туда сворачивать. Это был мир одноэтажных домов, знакомых фамилий, двух-трех главных улиц, церквей, школьных матчей, фермерской рутины и той провинциальной устойчивости, которая часто кажется почти нравственной добродетелью. В таких местах все друг друга знают, но это знание, как ни странно, очень поверхностно. Люди в курсе, где ты работаешь, на какой машине ездишь, в каком магазине покупаешь хлеб и был ли ты на воскресной службе. Но это вовсе не означает, что они знают, кто ты на самом деле.

Провинциальная Америка держится на двойных стандартах доверия. С одной стороны, она основана на повторяемости: одни и те же лица, одни и те же маршруты, одни и те же разговоры. С другой — на жестком уважении к частной территории. Здесь любопытство соседствует с невмешательством. Тебя видят, но не расспрашивают слишком